

*Господь не выдаст, свинья не съест.
Русская народная пословица*

*Ничто так не взрослит, как предательство.
Борис Стругацкий*

МАНИПУЛЯТОР ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

- Рамзееееес!!! – заорал мой мобильник. – Рамзееееес!!! Блять!! Здарооова, чувааак!!
Это Вова. Он всегда орет как потерпевший. И матершинник страшный. С обеими привычками бороться бесполезно. Оставив армию, я почти победил эту дурную привычку.

- Блять, Вов! У меня ухо щас отвалится от твоих воплей! – зная причину звонка, расплылся в улыбке я и отодвинул телефон от уха. – Здарова, балда!

- Блять, Рамзес, прости! – понизил голос тот, захыхыкал от неловкости. – Рамзес, ну этааа... Чооо..., идем сегодня в «Небеса»!?

Вовка сознательно коверкает слова и тянет гласные, говорит «здарооова» и «чооо». Выходит смешно, он всегда забавно кривляется.

- Идем, конечно, что за вопрос, Владимир? – подыграл я серьезным тоном. – Как обычно в десять у гостиницы.

- Ну всеее! Атличнааа! Давааай! Пакааа! – еще сильнее затянул гласные он, и мы простились до вечера.

На календаре было 29 апреля 2005 года, пятница. Но это не важно. Мы с Вовкой были заядлыми тусовщиками и зависали в клубах пять дней в неделю. Так уж вышло, а так всегда выходит – в какой-то момент жизни Судьба сводит нужных друг другу людей. Мы с Вовкой оказались взаимно нужными по двум причинам: работа и холостяцкая жизнь. Я не был женат, а Вовка недавно развелся. Его бывшую жену, весьма интересную девушку, я видел лишь однажды – больше трех лет назад случайно встретил их вместе на загородном пляже. Я был на машине и подвез парочку до центра города. После, явно борясь с приступом ревности, Вовка признался, что его жена назвала меня симпатичным. Ситуация лишь позабавила, я не имел привычки заглядываться на несвободных женщин. Приземистый, около метра семидесяти, коренастый, покрытый волосами везде, даже по всей спине, с пузиком, с бульдожьей челюстью, с холодно-серыми цепкими и глубоко посаженными хищными глазками – Вовка, как все неуверенные с женщинами мужчины, действовал от обратного – постоянно храбрился и разыгрывал из себя мачо. Хотя, какой он мачо!? И разговаривал он очень громко. Мой отец сказал как-то, что это деревенская привычка. Любой эмоциональный рассказ Вовки через минуту превращался в матерный ор. Как следствие, окружающие начинали на нас коситься, мне становилось неудобно, я заливался краской и одергивал друга. Вовка утихал на пару минут, но природа брала свое, и все повторялось с нескончаемой регулярностью. Вообще, не сквернословящих людей – единицы. Таким надо ставить памятник. Моему отцу в первую очередь – он никогда не матерился. А ведь отбарабанил в армии больше четверти века! Так вот.

Повторно после армии я встретил Вовку года три назад. Мы служили в разных подразделениях одной части и лично знакомы не были. А тут заехали как-то с отцом на одну из оптовых баз. Зашел я в кабинет коммерческих директоров, а там лицо знакомое сидит. Вовка тоже меня сразу признал. Мы разговорились уже на улице, пожали руки, обрадовались встрече – бывшие сослуживцы как-никак. На удачу, Вовка оказался замом коммерческого директора по бытовой химии оптовой базы «Пеликан». Его начальник, Андрей Петрович – крупный высокий мужик с красным от употребления алкоголя лицом и водянистыми безразличными ко всему глазами, намекнул через Вовку о пяти процентах сверху, если хотим продавать свой товар в «Пеликане». Безальтернативное предложение – мы с отцом согласились сразу. Дальше всё решилось быстро, и уже на следующий день мы завезли на базу первую партию.

И тут Вовка развелся с женой. По-честному, они никогда не смотрелись парой. Вовка познакомился с будущей женой в армии на дискотеке, они поженились как все и развелись как все, но без детей. Вовка снял вблизи работы однокомнатную квартиру и предался прелестям холостяцкой жизни. Бабник он жуткий, причем сальный. Ну, знаете, это когда восприятие женщин выливается сплошь в пошловатые разговоры и шуточки. В Вовке сидела обида. Упрощенно смысл его жизни сводился к четырем вещам: деньги, женщины, охота и камуфляж. Именно в таком порядке. Все дни на работе Вовка метался с взъерошенными волосами и думал, как бы заработать много денег. Причем спиздить – тоже означало «заработать». В основном в этом направлении и прикладывал Вовка всю свою могучую энергию. Попутно, он держал в поле зрения всех нравящихся женщин и одаривал их флюидами желания. Охота – третья страсть Вовки, о ней он мог говорить часами. Каждый отпуск Вовка катался к родителям в Псков, лазил там с ружьем по полям и лесам, о чем после с упоением рассказывал всем подряд в течение нескольких месяцев. Патологическая страсть к камуфляжу следовала из любви к охоте. Все, что носило на себе рисунок камуфляжа, Вовка находил прекрасным. Если он видел подобную одежду, то урчал от восторга и покупал. Шкаф Вовки всегда был забит камуфлированным тряпьем, но в повседневной жизни такое он почти не носил. Одевался Вовка безвкусно, немного неряшливо и по-простецки; ходил широко, по-медвежьи переваливаясь с ноги на ногу и стаптывая обувь внутрь.

Я подъехал к месту встречи на старом дребезжащем рейсовом автобусе. Сквозь стекло увидел Вовку, тот косолапо расхаживал по тротуару и чесал в затылке.

- Здарова! – выпалил Вовка и со всего маху вложил свою пятерню в мою ладонь, крепко сжал. Руки у него из натруженных, пальцы короткие и негибкие. Поэтому Вовка всегда растопыривает их перед рукопожатием, рука становится похожа на краба.

- Привет, балда! Какие дела!? – грубовато, в нашей манере общения, ответил я.

- Да вот, блять, весь день на работе думал, как бабки заработать! – взъерошил волосы Вовка. – Всю голову, нахуй, сломал! Нихуя не придумал!

Я засмеялся, мы побрели через дорогу на «зеленый». Стоял прекрасный теплый вечер, уже стемнело, молодежь стайками активно стекалась к ночным клубам.

- О! Эдик стоит, - махнул я рукой в сторону стоящих через дорогу «бомбил».

- Ну, вообще нормально! Поедем на Эдике пьяные домой! – громко засмеялся Вовка, изобразил тут же себя пьяного, зашатался, икнул пару раз для убедительности.

Эдик – молодой парень лет двадцати двух, невысокий сухощавый брюнет, студент последнего курса института. Привлекательный лицом, он выглядел бы лучше, если б не курил, не сидел постоянно скрюченным за рулем и занимался спортом. У Эдика была белая вазовская «семерка». Машины – его страсть. Пытаясь усовершенствовать свою, он постоянно в ней ковырялся. Задние фонари «семерки» – два красных круга, светились сквозь прямоугольный пластик, словно ракетные дюзы. Все, что могло светиться в салоне, приглушенно источало тот же красный цвет. Акустика не отставала – если Эдик врубал «Раммштайн», звук разлетался метров на сто, и в машине начинался красный звуковой ад.

Вторая страсть Эдика – женщины. Этот мелкий щуплый тип был заядлым ходоком. Эдика выдавал взгляд – он сразу становился масляным при виде любой девушки или женщины. Со своей девушкой у Эдика было сложно. Они, то ссорились, то сходились. Я пару раз ее видел – тощая как палка, с кривой фигурой, девушка была безнадежно тупа и некрасива лицом. Что он в ней нашел? Загадка. Видимо поэтому, свои отношения с ней, Эдик настойчиво компенсировал сношениями с другими женщинами. Познакомились мы с ним с год назад. Как обычно, я вышел ночью из клуба в сильном подпитии и петляющим шагом направился в сторону гостиницы, где всегда стояли «бомбилы». В клубе я пропил все до копейки, о чем честно предупредил первого же извозчика. Я сказал, что расплачусь на месте, взяв деньги дома. Таким способом «бомбил» часто кидали на деньги, и из всех взять меня согласился лишь Эдик. С тех пор проблем с такси после клуба у меня не было. Я звонил Эдику, тот забирал меня из любого места и в любом состоянии. Иногда вез в долг, но я не злоупотреблял его кредитом. С появлением Вовки работы Эдику добавилось – вместо одного пьяного тусовщика, он стал развозить по домам двоих.

До клуба оставалось два квартала.

- Ну чо, как работа!? Продажи прут, блять, бабки валяются, небось!? – гаркнул возбужденно Вовка.

- Да, сейчас заебись – сезон, продажи хорошие, - кивнул я.

- Ооо, буржуи!!! – зарычал Вовка с нотками зависти, вцепился сильными пальцами в мой правый локоть, заглянул снизу мне в лицо алчно.

Вовкину зависть я ощущал кожей. Он переводил ее вроде как в шутку. Но актер из Вовки никудышный. Меня чувство друга не оскорбляло, это была зависть не бесталанного лентяя, а человека деятельного. Как если бы жеребец из загона увидел скачущих мимо диких лошадей. Он начал бы яростно наматывать круги по загону, всеми силами желая оказаться снаружи. Последние два года наш бизнес медленно, но верно рос на глазах Вовки. И мы с отцом были в категории «свободных», трудящихся на себя людей. А Вовка как большинство корпел на наемной работе. Это удручало его и вызывало частые приступы зависти к «буржуям».

- Да какие буржуи? Хорош тебе! – выдернул я локоть из цепкой «клешни» друга.

- Буржуи, буржуи, блять!!! Я знаю! – ощерился тот и засмеялся. – Хы-хы-хы!

- Ты б побыл таким буржуем, на своем горбу целыми днями с отцом таскаем эти дурацкие коробки... Последний год так вообще кошмар, мы реально домой приезжаем каждый день не раньше восьми вечера! А как весна началась, так вообще мрак, с утра и до вечера эти коробки загрузи-разгрузи! Заказов много, мы работаем на пределе... Хорошо, хоть от розницы избавились! А то еще и по выходным бы пахали... Хотя, последнее время и так по субботам частенько товар развозим... Херовая тенденция... Надо с ней кончать, а

то понравится еще! – засмеялся я. – Так что никакие мы не буржуи, а обычные работяги! Буржуи в кабинетах сидят, а мы с отцом пашем!

- Ооо!!! Ладно, ладно, я шучу, Рамзес! – сдал назад Вовка, присвистнул, призывно строя глазки проходящей навстречу девушке.

Мы подошли к светофору, машин не было, не останавливаясь, потопали дальше. Через пару минут слева вырос кинотеатр, а справа снова светофор. Мы встали в ожидании зеленого сигнала.

- У тебя-то на работе что новенького? – поинтересовался я.

- Да че там новенького, ты ж только вчера был в «Пеликане», ёпть! – принялся Вовка тереть ручищей лицо, будто спросонья. – Че там может быть!?! Все, то же самое. Загорелся «зеленый», мы зашагали через дорогу.

- А! Не! – остановился посреди дороги Вовка. – Папа себе джип купил новый!

«Папа» – владелец «Пеликана» – денежный мужик лет пятидесяти, подтянутый, с внешностью отставного военного.

- Пошли, чего стал-то!?! – пихнул я Вовку под локоть, тихо смеясь, хмыкнул.

Вовка погрузнел и поплелся дальше, снова стал тереть лицо. Он всегда грустнеет, когда кто-то реализует его маленькую мечту. Вовке нравятся джипы.

- Нормальный агрегат?

- Ды! – кивнул тот и расплылся в довольной улыбке. Вовкино «ды» вместо «да», означает точку наивысшего одобрения чего угодно. «Ды!» – Вовка высказал свое мнение, оно непоколебимо и абсолютно. Я не был против, ведь в мечтах Вовка уже видел себя за рулем такого «броневика», скачущим по долам и полям и стреляющим всякое зверье.

Мы перешли дорогу, повернули налево, до клуба оставалось метров тридцать.

- А сколько ж он за него отвалил? – спросил я.

- Два лимона!

- Ого! Нехило!

- Да пиздец! – взъерошил волосы Вовка. – Себе такой теперь хочу!

- Да кто б сомневался! – засмеялся я и смачно хлопнул друга по спине.

- Охо-хо! – воскликнул Вовка, заведя впереди скопление людей.

«Чистое небо» – популярный клуб, начиная с пятницы, вечернее столпотворение перед входом – обычное дело. Снаружи, упираясь спинами во входную дверь, в черных костюмах стояли два охранника. Перед ними колыхался и гудел подпитыми голосами рой человек в двадцать, задние напирали на передних, тех в свою очередь отпихивали назад охранники. Так могло продолжаться до полуночи. Мы приблизились, я глянул внутрь клуба через боковое витринное стекло. Знакомый охранник стоял на лестнице и крутил пальцами зажигалку. Через секунду наши взгляды встретились. Я пальцем показал на вход, охранник кивнул и шагнул к двери.

- Этих пропусти двоих! – произнес он наружу через щель, с трудом плечом открыв дверь на пару сантиметров. Охранники среагировали, чуть отжали толпу от двери, мы с Вовкой быстро просочились внутрь за их спинами. Из клуба наружу вырвались звуки веселья и музыки, толпа позади тут же издала недовольный гул. Поздно, дверь с силой захлопнулась за нашими спинами и вновь приняла на себя натиск толпы.

Клубы – отдельный разговор. К своим двадцати восьми годам, после парочки продолжительных, но неудачных отношений с девушками, я уже года два как числился в заядлых тусовщиках. Опыт неудачных отношений на время притупил желание новых, и я

пустился во все тяжкие. Надо признать, что «тяжкие» выходили вполне приятными. Если бы меня спросили, прожил бы я снова эти годы так же, ответ – однозначно «да». Обойдя почти все увеселительные заведения города, я застрял в «Чистом небе». Клуб странным образом притягивал мне подобных, бесцельно болтающихся пресыщенных ночной жизнью молодых людей. «Чистое небо», вроде как, ничем особенным не отличалось. Но круглый год в нем было вдвое больше посетителей, чем в остальных клубах города. Даже в «мертвый сезон» середины лета, когда город разъезжался по южным курортам, когда в прочих заведениях тоскливо коротала время тройка человек, «Чистое небо» заполнялось наполовину. С сентября же, едва население города возвращалось, заведение переходило на осадное положение. Посетители набивались в клуб как селедки в бочку. И все потому, что он находился в небольшом подвальном помещении. Улицы исторического центра города сплошь состояли из рядов двух-, трех-, четырехэтажных домов. Угол одного из таких домов и являлся входом в «Чистое небо». С фасадной стороны угла висела входная тяжелая деревянная дверь; боковая сторона, будто витрина магазина, смотрела в проулок рядом высоких окон; над витриной окон на подсвеченном темно-синем фоне в золотой россыпи звезд выделялась яркая надпись – «Чистое небо». Проулок уходил темнотой в прямоугольную асфальтовую площадку, окруженную со всех сторон невысокими домами. В дальнем углу площадки меж домами был разрыв, куда многие в подпитии ходили ссать. Из проулка постоянно едва уловимо тянуло мочой.

Сразу за дверью начиналась крутая прямая лестница вниз, ступенек в двадцать. Она заканчивалась тесным пяточком два на два метра. Справа на пяточок смотрела дверь гардеробной – тесной узкой кельи, в окошке которой всегда торчала, подпертая кулаком, унылая физиономия гардеробщицы. Тут же за тумбой восседала кассирша. Оплатив вход, посетители шли влево в арочный проход – в сам клуб. Он состоял из трех помещений: первое – основной зал со столиками слева, метров сорок площадью, он был ниже уровнем остального клуба на полметра; второй – квадратный зал справа метров в тридцать, также уставленный столиками; третье и самое дальнее – танцпол, прямо. Центральная дорожка меж первыми залами вела к большой барной стойке и далее параллельно ей тянулась в грот – в буквальном смысле пещеру, будто выдолбленную в сплошной массе красного кирпича. Грот был тесным квадратным помещением метров в пятнадцать площадью с колонной посередине. Линия барной стойки продолжалась вдоль правой стены грота двумя метровыми нишами – стойкой официанток и в конце – малой барной стойкой. Левая стена грота была сплошной, заканчивалась она в дальнем углу аркой, за которой и был танцпол – прямоугольное двухуровневое помещение площадью метров в шестьдесят. Ближняя половина состояла из двухметровой стойки у левой стены и десятка столиков по углам, оставлявших центральную часть свободной. Дальняя половина, как и первый зал, была занижена на полметра и соединялась с ближней деревянной лестницей в три ступеньки с поручнями и толстыми колоннами по обе стороны лестницы. Эта половина отводилась под танцы. На ней полутораметровыми полукругами из стен выступали две мини-сцены в те же полметра высотой. Первая – из правой стены посередине, вторая – из дальнего левого угла. За ней в этом углу виднелась точно такая же дверь с окошком как у гардеробщицы. Дверь вела в тесную, не более пяти квадратных метров, каморку диджея. Дальние, правая и центральная, стены танцпола были сплошь от потолка до пола зеркальными.

Туалет в «Чистом небе» располагался оригинально, выше, чем подвальный клуб – на первом этаже здания. От центральной дорожки перед большой барной стойкой вправо

и резко вверх полувинтом вели ступеньки, и для выпивших посетителей они становились испытанием – немало народу вывернуло там ноги и скатилось кубарем вниз. Ступеньки заканчивались крохотным пятачком в метр площадью, от которого вправо и влево вели две двери – в женское и мужское помещение.

Посетители делились на две категории – те, кто располагались за столиками в залах и те, кто пришли налегке, просто выпить, потанцевать и поотираться возле барных стоек и вдоль стен грота. Когда за два часа до полуночи на танцполе громко включалась музыка, то в столпотворение у стоек, в гроте и на танцполе вливались вдоволь насидевшиеся за столиками. У большой стойки становилось сразу не протолкнуться. Узкий проход в грот и он сам плотно набивались людьми. Чтобы попасть на танцпол, приходилось семенить в тесном брожении живых тел и упорно двигаться в нужном направлении. Плотность живой массы дополнялась пеленой табачного дыма и громким гулом разговоров. Дым заполнял грот густо, превращая воздух в полупрозрачный едкий туман, и постепенно расплзался по всему клубу. Среди всего этого нервно сновали официантки с полными подносами. Они встречались меж собой у своей стойки, лишь чтобы свалить на нее грязную посуду и взять на поднос очередной заказ. Алкогольный конвейер стартовал у большой стойки, с включением музыки продолжался у малой и на танцполе – водка, реже текила, еще реже виски, очень часто пиво, часто «отвертка» и другие популярные коктейли.

Днем заведение работало как кафе, включение музыки переводило его в режим клуба. К полуночи поток посетителей достигал апогея, и заведение становилось похожим на битком набитую рыбой бочку, приправленную соусом из алкоголя и табачного дыма. Идеальное время входа в «Чистое небо» – за час до полуночи, когда очередь за алкоголем еще не чрезмерна, подвыпившие посетители еще не пьяны, а апогей веселья впереди.

- Здравова! – от души хлопнул я по протянутой пятерне охранника.
- Ооо!!! – зарычал Вовка и следом с размаха вложил своего «краба» в ту же руку.
- Девчонки есть? – кивнул я вниз.
- Полно! – провел зажигалкой по горлу охранник.
- Ну, раз так, то мы пошли! – улыбнулся я и шагнул вниз.
- Ооо!! – раздалось за спиной одобрителное рычание Вовки.

Миновав арку, мы стали пробираться в разгоряченном телами и музыкой воздухе к большой барной стойке. Навстречу с подносом над головой и грязной посудой на нем ловко проскочила невысокая официантка. Я глянул на нее: «Нет, не та, что мне нравится».

Большая стойка уже была сплошь обвешана любителями выпить. Я протянул руку поверх их голов, поздоровался с барменом. Вовка, встав на цыпочки, повторил ритуал.

- Там есть кто-нибудь? – показал я взглядом в сторону малой стойки.

Бармен утвердительно кивнул.

- Ну, мы тогда пойдем, закажем там чего-нибудь... алкогольного...
- Да, ударим ща по «отвертке»!!! – заорал за спиной Вовка.

Здесь его привычка орать пришлась к месту – музыка трясла стены заведения, к ней добавлялся гул разговоров, лязг посуды и почти непрерывный треск звонков телефонного аппарата на большой стойке.

Поздоровавшись с половиной завсегдатаев клуба, мы протиснулись сквозь грот ко второму бармену. Я махнул ему в знак приветствия, занял место в конце уже немалой очереди и одновременно в самом удобном месте грота – в арке меж центральной колонной и правой стеной. Вовка принялся оживленно крутить головой, цепляя взглядом всех

проходивших мимо девушек. Я достал пачку «Лаки Страйк». Вовка тут же запустил в нее пальцы и привычным движением выудил сигарету себе. Мы закурили.

Курить я начал поздно, в 24 года. Можно было и не начинать, но я сглупил. Курил обычно мало, пять-шесть сигарет в день. В клубах же всегда курил больше – до пачки за вечер. На следующее утро, естественно, голова раскалывалась, и весь день я испытывал стойкое отвращение к сигаретам. Но к вечеру оно проходило, и все начиналось заново.

- Че там у тебя на работе еще нового!? – спросил я громко Вовку, наклоняясь почти к самому его уху и напрягая связки, стараясь перекричать грохот клуба.

- Да че там может быть нового! – рявкнул Вовка, суетливо крутясь в арке. – Петрович заебал бабки грести под себя! Надо будет его Папе сдать, чтоб тот его выпер к хуям с базы!

- В смысле, гребет бабки под себя? Не делится что ли с тобой? Я думал, вы там вдвоем все дела обтяпываете...

- Да не, у него там свои клиенты есть! И он же еще туалетной водой занимается, пихает ее везде через своих корешей по базам. Ну и нам сюда тоже сдает, а потом бабки снимает и себе в карман...

- А ты-то, хоть где-то имеешь? – задал я неудобный прямой вопрос.

- Парочка вот таких жуликов как вы... хы-хы..., - Вовка принялся сверлить меня хитрым алчным прищуром глаз, – мне платит дань!

Я пихнул его рукой в плечо, Вовка, довольный сказанным, засмеялся сильнее.

- Ну, когда уже будет наша очередь, и мы получим свою «отвертку»!!!!?? – вдруг нетерпеливо заорал он в сторону бармена, встав на цыпочки.

- Скоро..., - улыбнулся тот, крутя горящий бокал с самбукой и гася резко пламя.

Парень, клиент, залпом выпил полбокала самбуки, остальное выпила девушка. Наклонившись к стойке, парень через трубочку втянул в себя алкогольные пары из-под стакана. Вся очередь с интересом смотрела на действие. Парень распрямился, обнял девушку и с красным лицом и выпученными глазами потянул ее в темноту танцпола.

- Как обычно? – посмотрел на нас бармен.

- Да, как обычно! И водки, блять, побольше!! – гаркнул Вовка, протискиваясь к стойке и пожимая руку бармена. Тот отвернулся и начал колдовать над заказом. Через минуту перед нами стояли два поллитровых пластиковых стакана с коктейлем.

- Две двойные «отвертки»..., - показал на них рукой бармен, невозмутимо сунул руки в карманы брюк, вопросительно уставился на нас. Расплатившись, мы взяли пойло и протиснулись обратно в арку. Очередь позади нас тут же схлопнулась вокруг стойки.

Мы всегда заказывали «отвертку». По напитку легко судить о количестве денег в карманах посетителя, если тот, конечно, не цедит из одного стакана что-то дорогое весь вечер. Безденежные упивались пивом, кто при деньгах – демонстрировали в руках бокалы с виски, на худой вариант, коньяком. Иные, кто пытался доказать, что деньги у них есть, хотя на лице было ясно написано обратное, проверенным приемом бросали пыль в глаза окружающих – заказывали водку сразу бутылками. Я ничего не пытался доказывать, денег в то время было мало – недорого и с гарантией неспешного опьянения я пил «отвертку». Коньяк или виски мы пили уже у Вовки дома, у него всегда что-то подобное находилось в холодильнике. Со временем «отвертки» стало мало, я перешел на двойную дозу и сманил и Вовку. В двойной «отвертке» сто грамм водки и четыреста сока, и пьются эти поллитра уже заметно дольше. Изловчившись, я уже точно знал, когда начну пьянеть, а когда мне

хватит. Идеально было выпивать за вечер четыре, максимум пять двойных «отверток», чтоб не пьянеть сильно и поймать то самое состояние эйфории: когда расслабляешься после трудового дня; все отлично видишь и воспринимаешь; общение складывается как нельзя лучше; улыбка не сходит с лица; все кажутся «братьями», «сестрами», «друзьями» и «подругами»; и весь мир видится исключительно в радужных тонах. Если я перебирал, то начинался регресс поведения – я замыкался, мрачнел, становился агрессивным, язык и ноги заплетались, наступала подавленность, и в голову лезли глупые мысли. К тому же я не мог похвастаться сильным вестибулярным аппаратом. Если двойных «отверток» было больше пяти за вечер, по итогу я почти всегда блевал. Курение лишь усугубляло эффект от выпивки. А курил я в клубах сигареты почти одну за другой.

Я потянул через трубочку «отвертку» на красном виноградном соке – жуть как горько! Водки бармен и вправду не пожалел. Мы стояли с Вовкой в арке, курили и накачивались алкоголем. Трезвым в клубах делать нечего.

- Слушай! Получается, если Петровича Папа выпрет, то ты будешь на его месте!?

- Ясен хуй!!! – вытаращился на меня Вовка как на идиота. – А нахуй тогда его мне подламывать!? Чтоб какой-нибудь осёл сел на его место!?

Вовка смачно со звуком втянул в себя коктейль, затянулся сигаретой.

- Сдам козла к хуям с потрохами! – продолжил он, задетый за живое. – А ты видал, какая баба приезжает к Папе на «пежо» здоровом таком синем!?

Я задумался. Припомнил. Фигура «а-ля Софи Лорен», внешность типажа Джинны Лоллобриджицы. Такую женщину заметит даже слепой – яркая брюнетка сильно бальзаковского возраста с выдающимися формами и умением их красиво упаковать и подать. Ухоженная и стильная дама в «черепашьих» солнцезащитных очках. Я часто ее видел в «Пеликане». На оптовой базе она смотрелась как породистая пава в курятнике.

- Ааа, да! Видал! А чего она там у вас забыла!? – поинтересовался я.

Не знаю! – пожал плечами Вовка. – Ходит зачем-то все время к Папе на второй этаж... Бизнес вроде как у нее какой-то... Папа там весь слюнями изошелся!

Следом он вывалил по-собачьи язык изо рта и начал им «лакать воду». Я засмеялся глупому виду Вовки, протискивавшиеся в толпе рядом девушки уставились на него. Вовка тут же покраснел, смутился и отвернулся к стенке, топчась растерянно на месте.

Вечер шел обычно – накачавшись спиртом, мы пробрались на танцпол. Публика там была уже разгорячена, вытяжка не справлялась, становилось душно. Обе зеркальные стены запотели снизу до половины как в сауне. Танцующие слились практически в одну прыгающую и кривляющуюся массу, от которой волнами шел кислый запах несвежей одежды, пота, дешевых духов, дезодоранта. С каждой минутой общее опьянение росло, парни все больше приставали в танце к девушкам, те все меньше противились. Девушки призывно виляли телами, удовлетворенно ловя на себе мужские разгорающиеся взгляды. Парни старались приблизиться к понравившейся девушке, слиться с ней в общем ритме. Если взаимности не случалось, отвергнутые одной, парни ловили в фокус вожделения очередную девушку, двигались к ней. Место отвергнутого тут же занималось следующим. Перед моим запьяневшим сознанием проносилась нескончаемая карусель потных пьяных лиц в реве музыки и стробоскопе света. Танцы образовавшихся пар все больше походили на имитацию полового акта. По углам жарко целовались парочки. Я участвовал в пьяной карусели похоти вместе со всеми – чья-то грудь, чье-то бедро, классная задница, ужасный парфюм, красивые губы, грубые руки, липкая кожа талии, прокуренный голос, пьяные

глаза, красивые волосы, угловатые движения. Я тщетно пытался запоминать имена. Вовка был где-то тут же. Пару раз за вечер мы с ним поднимались на улицу подышать воздухом и покурить. Сплошная круговерть, толчея, нескончаемое движение, забитый людьми грот, официантки, ругающиеся на всех подряд сорванными голосами. Та, что мне нравилась, посматривала на меня. Выпитое стало давить на мочевой пузырь. Оставив Вовку в арке, я пошел в туалет. Но на первых же ступеньках крутой лестницы уперся в очередь. Двадцать минут томления и я попал, наконец, в туалет – один писсуар забит и полон мочи, сидячая кабинка занята. Я облегчился во второй и единственный рабочий писсуар. Меня слегка качало, но я вроде бы попал в писсуар, стараясь при этом из-за ужасного запаха в туалете не дышать. Уборщица, пожилая скрипучая сутулая тетка с волосами крашеными дешевой хной, зашла в туалет с тряпкой на швабре, начала зло тереть пол и материться. Ее прыть сбила с толку всех, даже самых пьяных и агрессивных парней. Те, нечленораздельно мыча и торопливо застегивая штаны, стали по стеночке выскальзывать из туалета. Я не мог мочиться при женщине, торопливо прервался на половине, делая вид, что закончил, протиснулся к умывальнику, полному воды и раскисшей туалетной бумаги. Помыв руки, я вышел на лестницу. Не имея желаний упасть, я сосредоточенно взялся за перила и преодолел ее вниз, нашел взглядом Вовку, кивнул ему, и мы в очередной раз устремились на улицу к свежему воздуху.

Пять двойных «отверток» и полпачки «Лаки Страйк» – я был пьян. Вовка, похоже, тоже. Время летело быстро, народ начал расходиться. Мы сели снаружи остекления входа, пристроившись задницами на металлическом козырьке. В конце проулка мелькали неуверенные полупьяные тени по одной или парочками, справляя нужду или целуясь. Тяжелая входная дверь регулярно бұхала, выпуская из клуба шумную публику. Одни уходили бодро, другие пьяно брели бесцельно прочь, незаметно растворяясь в ночи, третьи, как и мы, выходили на улицу подышать и покурить. Вокруг стоял пьяный галдеж, воздух был пропитан адреналином. Мы вернулись в клуб.

Три часа ночи. Музыка смолкла, тишина сразу обрушилась на уши, стала давить. Мы с Вовкой попрощались со всеми, кто попался на глаза, и окончательно покинули клуб. Я люблю ночной город. Особенно когда тепло. Можно неспешно пройтись и пообщаться. Особенно пьяным есть о чем общаться. Я глянул на Вовку, его качало. Я достал телефон, позвонил Эдику, сказал, что скоро подойдем. Тот остался на месте ждать нас.

- А эта официантка на тебя пялилась! – неожиданно произнес Вовка.

- Ну да, вроде как смотрела... А она ничего такая..., - делано равнодушно кивнул я.

- Да, глазастенькая такая, губастенькая! – расплылся довольной рожей Вовка.

- Да хорош тебе, нормальная девчонка! – рефлексивно защитил я девушку.

- А я чо, говорю, что она ненормальная, что ли какая!? Не страшная, нормальная симпатичная девчонка!

- Я и говорю, что нормальная! Мне нравится..., - признался я специально, надеясь удовлетворить интерес друга малым и одновременно погасить, но вышло обратное.

- Ну и знакомился бы! Подошел бы, трали-вали, все дела, разрешите, мадам, с вами познакомиться! Я буржуй, у меня бабок завались, я вас хочу! – воскликнул Вовка, и тут проявив свою способность, опозлать что угодно.

Я хмыкнул, пихнул того в плечо. Вовка подыграл, закачался словно ватный, описал заплетающимися ногами петлю на асфальте и, довольно щерясь, снова пошел рядом.

- Успею еще, куда она денется, мы ее каждый день там видим..., - отмахнулся я, но мысль засела в голову, я начал ее обдумывать.

- Они по неделям работают, смотри, сегодня пятница же, значит, еще два дня будет работать. А то просрешь свое счастье! – настырно керосинил меня Вовка.

- Значит, через неделю познакомлюсь..., - продолжал я имитировать равнодушие.

- Как ее зовут то хоть, знаешь? – не унимался Вовка.

- Не знаю. Потом узнаю.

- Эээх, ты! Уведут губастенькую, смотри! – снова подначил меня друг.

- Она на меня смотрела..., не уведут..., - парировал я, улыбнулся.

- Да у нее и задница ничо такая!

- Все-то ты разглядел!

- Ну, а чо!? Я люблю, когда у девушки все есть.

- Да кто ж не любит. Ну что, я у тебя останусь? – сменил я тему разговора.

- Блять, Рамзес, да оставайся! – пожал Вовка плечами, вытащил руки из карманов, развел их в стороны. – Мне какая разница, диван красный ждет тебя!

Мы вывернули из-за угла вправо, вдоль бордюра тянулся ряд из машин. «Семерка» Эдика с горящими задними «дюзами» стояла в его середине. Мы с Вовкой сходу открыли двери машины и шумно ввалились в салон. Эдик сидел за рулем и ковырялся в «торпедо», поднял на нас меланхоличный взгляд и через секунду вернулся к своему занятию.

- Чё, наплясались!? – улыбнулся он.

- Дааа!!! – зарычал с заднего сидения Вовка, запыхтел шумно, зерзал.

- Бля, мы нажрались! – признался я, устроившись спереди.

- Ну, это само собой..., - философски резюмировал Эдик, перестал копаться под рулем, уставился на меня немигающим взглядом, улыбнулся. – Едем?

Я кивнул, растянул лицо в глупой пьяной довольной улыбке.

- И музон, бля, давай погромче!!! – заорал сзади пьяный Вовка почти мне в ухо.

Эдик ткнул пальцами в кнопки магнитолы, крутанул ключ в замке зажигания, салон наполнили первые мелодичные мотивы песни, обороты двигателя с ревом подскочили, из колонок, как кувалдой, по ушам саданул ударный звук:

Getadelt wird wer Schmerzen kennt
Vom Feuer das die Haut verbrennt
Ich werf ein Licht
In mein Gesicht
Ein heisser Schrei
Feuer frei!

Машина сорвалась с места и понеслась в звуковом аду по пустым улицам города.

Bang! Bang!

«Только бы не сблевать...», - подумал я и лишь крепче взялся за ручку над дверью. Мы неслись, резко входя в повороты. Я не думал о безопасности – Эдик водил отменно, я беспокоился о желудке – меня слегка мутило.

Вовка жил в полукриминальном рабочем районе, который был весь утыкан облезлыми кирпичными четырех-, трех- и двухэтажными «хрущевками». Он снимал тесную угловую квартирку на последнем четвертом этаже одного из таких домов.

Эдик притормозил у остановки, приехали. Я был рад, что впереди суббота и можно за прошедшую неделю спокойно отсыпаться у Вовки хоть до обеда. Меня все еще мутило, я открыл дверь, сделал глоток свежего воздуха. С заднего сидения, кряхтя и матерясь, на улицу вылез Вовка. Получив деньги, Эдик укатил, оставив нас, наконец, в ночной тиши. Мы зашагали вглубь спящих дворов, до Вовкиного дома было метров двести по прямой.

Во дворе дома стояла почти крошечная темень, ни один уличный фонарь не светил. Над металлической дверью подъезда отсутствовал козырек, в стене выше торчал полый штырь – все, что осталось от лампы освещения. Мы зашли внутрь. На площадке первого этажа тускло горела лампочка, навстречу потянуло сыростью. В старых подъездах всегда воняет. В этих «хрущевках» все плохо – маленькие площадки на этажах, узкие и с разным наклоном лестничные марши, ступеньки разной высоты и глубины и тесные квартиры.

Мы зашагали вверх. Одышка появилась у обоих и почти сразу. Мое сердце гулко заколотило, отдавая в уши. Я тяжело задышал, взялся за перила. Алкоголь в крови мешал идти ровно. Вовка шумно сопел позади. Оба громко топали.

Наконец-то мы пришли. Спать хотелось невероятно. Я быстро разделся до трусов, посетил туалет и облегченно поплелся на кухню – захотелось чаю. Взял сигарету, сел на деревянный старый скрипящий и разболтанный стул со спинкой, закурил. Следом в камуфлированных трусах вошел Вовка, озираясь на кухне, пьяно поскреб волосатое пузо, тоже закурил. Сидя друг напротив друга, стали ждать, когда закипит чайник.

- Сыр будешь? – засмеялся бесшумно Вовка.

- Ты заебал уже со своим сыром! – засмеялся и я.

- А что, сыра много! – продолжил Вовка, распахнул холодильник. Тот был забит сыром. Несколько больших круглых голов занимали его почти весь. Я снова засмеялся.

- Не, ну его надо жрать, пропадет же! – уже, будто даже извиняясь, добавил Вовка.

- А чего ты его приволок столько? Взял бы немного...

- Дык халява же! Как не взять!? – удивленно поскреб в затылке Вовка. – Все равно бы выбросили, со склада списывали, надо было брать. Да и сыр хороший, «Дор Блю», «Пармезан», это тебе не наше говно дешевое. Не, надо было брать.

Я продолжал посмеиваться. Электрочайник забурлил, щелкнул выключателем.

- Вот теперь и жуй один сыр целыми днями!

- Бля, Рамзес, и так жру его постоянно, уже не могу! Заебался! – засмеялся Вовка, разлил чай по кружкам, кинул в обе по пакету чая, протянул одну мне. Стали пить чай, через глоток затягиваясь сигаретами.

- Ща допьем и спать..., - пробормотал я. – Не могу уже, глаза слипаются...

- Ну... блять, красный диван тебя ждет! Хы-хы-хы! – вновь засмеялся Вовка.

- Бля, никакого гостеприимства... Нет, чтоб самому лечь на этот диван, а мне, как гостю, отдать свой аэродром..., - засмеялся и я беззлобно. – Это ж клоповник, а не диван.

- Ну, другого нет. Чем богаты, тем и рады.

Докурив, допив, побрели спать. Я лег на старый диван, тот заскрипел подо мною. Ткнувшись ребрами сквозь ткань в кривую пружину, я начал было думать о ней, но храп с Вовкиной кровати тут же срубил и меня.

- У тебя «Цитрамон» есть? – произнес я утром, не открывая глаз.
Вовка уже шарился на кухне, погромыхивая посудой.
Я разлепил глаза, огляделся.
- Башка что ли болит!? – раздалось из кухни в ответ.
- Да, раскалывается жутко... Сколько времени?
- Половина одиннадцатого уже! – по-военному рявкнул Вовка. – Вставай, давай!
Солнце сквозь окна заливало комнату светом и обволакивающим теплом. Я встал, обласканный лучами палас приятно грел ступни. Выпив таблетку, я пошел в ванную, оттуда на кухню, где, как обычно, чавкая, уже пил чай с бутербродами Вовка.
- Сыр? – спросил я сонно, пытаясь шутить.
Вовка кивнул утвердительно, буркнул неразборчиво, улыбнувшись набитым ртом.
- Мы его год жрать будем. Домой, что ли взять немного? – сказал я.
Вовка энергично одобрительно закивал, тут же полез в холодильник.
- Не, не, не! Я пошутил! – принялся отмахиваться я.
Вовка сразу погрузился, перестал жевать, закатил головку сыра обратно.
Выходной день. За окном весна. Спешить некуда. Оба в одних трусах, мы сидели и пили чай. Головная боль заметно утихла, домой мне совсем не хотелось.
- Как там батя твой? – вдруг спросил Вовка. – Все ругается на тебя?
Как только я осмыслил вопрос, на меня накатило.
- Да так, сремся регулярно, - вяло отмахнулся я. – Заебал он меня. Постоянно доебывается до всякой хуйни, это ему не так, то ему не так. Я уже не могу с ним работать, сил нет никаких. Деться бы куда-нибудь, да не бросишь же все это. Хорошо, хоть розницу закрыли. Я тебе говорил, что розницу закрыли?
- Ну да, че-то такое говорил, - в промежутках между чавканьем вставил Вовка. – А че, совсем что ли закрыли? А товар куда будете девать?
- Не знаю, мы только вчера ж ее закрыли, продали киоск, - пожал плечами я и рассказал всю историю продажи, чем вызвал у Вовки приступ довольного смеха.
Чай – хорошая штука! Я постоянно им отпаивался после перебора с алкоголем и сигаретами. И в тот раз, потягивая сладкий чай, я постепенно приходил в себя.
- Бляаа!! Время сколько!!??? – чуть ли не заорал я вдруг.
Вовка удивленно вытаращился на меня, обернулся назад и через плечо посмотрел на часы, вмонтированные в газовый котел: «Половина двенадцатого, а че такое?»
- Блять, я забыл! – вскочил я и тут же сел. – Нам в «Сашу» сегодня до трех надо успеть! «Саша» закрывается! Товар надо забрать и рассчитаться с ними!
- «Саша» закрывается!? – еще больше удивился Вовка. – А че это они!?
Я стал усердно дожевывать бутерброд и запивать его жадно чаем, попутно отвечая на Вовкины вопросы. Покончив с бутербродом, я метнулся в комнату. Натянул джинсы, майку, толстовку, схватил мобильник и по памяти набрал номер.
- Странно, че это «Саша» закрывается!? – донеслось с кухни по завершении звонка.
- Да, я сам удивился, так неожиданно, нормальная контора, работала-работала и тут на тебе, закрывается! – я вернулся на кухню, большими глотками прикончил чай выпалил: «Все, я погнал! Че, вечером идем!?»
- Ёпт, Рамзес, спрашиваешь!
- Хорошо, как закончу, позвоню, давай, пока!
Я сунул ноги в туфли и выскочил за дверь.